

УДК 165.191

ПАНКОВ Георгій – доктор філософських наук, професор, професор кафедри культурології, Харківська державна академія культури, Бурсацький узвіз, 4, Харків, 61057, Україна (gpank27@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1017-4891>

DOI: <https://doi.org/10.24919/2522-4727.41.168548>

Бібліографічний опис статті: Панков, Г. (2019). Чудо в об'єктиві міфопоетики «показывания». *Проблеми гуманітарних наук: збірник наукових праць Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія «Філософія»*, 41, 96–110. doi: 10.24919/2522-4727.41.168548.

ЧУДО В ОБЪЕКТИВЕ МИФОПОЭТИКИ «ПОКАЗЫВАНИЯ»

Цель. В статье ставится задача осмыслить мифическую картину чуда в контексте предложенном С.С. Аверинцевым дискурсе «показывания». **Методология.** В статье предпринят феноменологический анализ мифологии, опирающийся на стратегию «философии жизни». Феномен чуда сопоставляется не с данными научной картины мира, но с ситуациями жизненного мира, которые проецируются в культуре мифа. Такой подход к мифологеме чуда предусматривает реконструкцию в ее содержании ценностных установок культуры определенной традиции, в данном случае – православия. Он органически совмещается с герменевтическим методом, который использовался в интерпретации фрагмента Киево-Печерского патерика. Предпринятый подход к изучению мифа выдвигается в виде альтернативы сциентическому взгляду на мифологию и соответствует гуманитарной парадигме религиоведения и культурологии. **Научная новизна.** В статье предложена концепция мифологемы чуда в свете учения о поэтике выдающегося ученого С.С. Аверинцева. Это позволяет воспринимать мифический образ чуда в значении поэтического механизма социокультурного регулирования. Научная новизна данной статьи не только усматривается во взгляде на мифопоэтику чудес, но и демонстрирует продуктивность обращения творчества С.С. Аверинцева в методологический го-

ризонт релігієзнавства та культурології. **Висновки.** В результаті, в'яснено, що свержестественное чудо виконює значення специфического кода, посредством которого в мифе выражается установленный традицией порядок и стремление традиции побудить своих адептов придерживаться его условий. «Показывание» картины мира в мифе вигляднть «показыванием» установленного традицией порядка, а представленные мифологией чудеса рассматриваются семиотическими конструкциями, выражающими ценности христианской традиции. Предлагается вместо оценочного суждения «чудо как вымысел» ставить и решать вопрос о чуде в значении семиотического творчества, создающего образные назидательные ситуации, составляющие идеологический механизм социокультурного регулирования.

Ключевые слова: чудо, мифопоэтика, «показывание», порядок, назидание, священное, сакральная санкция.

ДИВО В ОБ'ЄКТИВІ МІФОПОЕТИКИ «ПОКАЗУВАННЯ»

Мета. У статті ставнться завдання осмислити мнфнчну картину днва в контексті запропонованому С.С. Аверннцевим дискурсі «показування». **Методологн.** У статті зроблено феноменологнчний аналіз мнфологн, що спирається на стратею «фнлософн життя». Феномен днва знставляється не з даними наукової картини свнту, а з ситуацнями життєвого свнту, якн проєктуються у культурн мнфу. Такий пндхн до мнфологемн днва передбачає реконструкцю у нн змнстн цнннських установок культурн певної традицн, у цьому випадку – православ'я. Вн органнчно поєднується з герменевтнчним методом, який використовувався в ннтерпретацн фрагмента Києво-Печерського патернка. Застосований пндхн до вивчення мнфу висувається у виглядн альтернатнвн сннєнтнчному погляду на мнфологн н вдповндає гуманнтарнн параднгамн релнгуєзнавства та культурологн. **Наукова новнзна.** У статті запропонована концепцн мнфологемн днва в свнтлн вчення про поетнку видатного вченого С.С. Аверннцева. Це уможливлнює спрнймання мнфнчного образу днва в значенн поетнчного механнзму соцнкультурного регулювання. Наукова новнзна запропонованої статн не тнльки вбачається у поглядн на мнфопоетнку чудес, а н демонструє продуктнвнсть звернення творчостн С.С. Аверннцева в методологнчний горизонт релнгуєзнавства та культурологн. **Висновки.** У результатн з'ясовано, що надприрод-

не чудо виконує значення специфічного коду, за допомогою якого у міфі виражається встановлений традицією порядок і прагнення традиції спонукати своїх adeptів дотримуватися його умов. «Показування» картини світу в міфі виглядає «показуванням» встановленого традицією порядку, а представлені міфологією чудеса розглядаються семіотичними конструкціями, що виражають цінності християнської традиції. Пропонується замість оцінного судження «диво як вигадка» ставити і розв'язувати питання про диво в значенні семіотичної творчості, що створює образні повчальні ситуації, які становлять ідеологічний механізм соціокультурного регулювання.

Ключові слова: диво, міфопоетика, «показування», порядок, повчання, священне, сакральна санкція.

PANKOV Georgiy – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Professor of Kharkiv State Academy of Culture, Bursatskiy downhill, 4, Kharkiv, 61057, Ukraine (gpank27@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1017-4891>

DOI: <https://doi.org/10.24919/2522-4727.41.168548>

To cite this article: Pankov, G. (2019). Chudo v obektive mifopoetiki «pokazyvaniia» [A miracle in the lens of the myth-poetic of the «showing»]. *Problemy humanitarnykh nauk: zbirnyk naukovykh prats Drohobyt'skoho derzhavnogo pedahohichnoho universytetu imeni Ivana Franka. Seriiia «Filosofiiia» – Problems of Humanities. Series of «Philosophy»: a collection of scientific articles of the Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University*, 41, 96–110. doi: 10.24919/2522-4727.41.168548 [in Russian].

A MIRACLE IN THE LENS OF THE MYTH-POETIC OF THE «SHOWING»

Summary. Purpose. The article aims to comprehend the mythical picture of the miracle in the context of the discourse of the «showing» proposed by S. Averintsev. **Methodology.** The article presents a phenomenological analysis of mythology based on the strategy of the «philosophy of life». The phenomenon of the miracle is compared not with the data of the scientific picture of the world, but with the situations of the vital world, which are projected in the culture of myth. This approach to the mythologeme of the miracle provides for the reconstruction in its content of the values of the culture of a certain tradition, in this case – Orthodoxy. It is organically combined with the hermeneutic method, which was used in the interpretation of the frag-

*ment of the Kiev-Pechersk Patericus. The approach taken to the study of myth is put forward as an alternative to the socionic view of mythology and corresponds to the humanitarian paradigm of religious and cultural studies. **Scientific novelty.** The article proposes the concept of the mythologeme of the miracle in the light of the doctrine of poetics of the outstanding scientist S. Averintsev. This allows us to perceive the mythical image of the miracle in the sense of the poetic mechanism of socio-cultural regulation. The scientific novelty of the article is not only seen in the view of myth-poetics of miracles and demonstrates the productivity of the treatment of creativity of S. Averintsev in the methodological horizon of religious and cultural studies. **Conclusions.** As a result, it is found that the supernatural miracle fulfills the meaning of a specific code, through which the myth expresses the established order of tradition and the desire of tradition to encourage its adherents to adhere to its conditions. The «showing» of the picture of the world in the myth looks like the «showing» of the established order by the tradition, and the miracles presented by mythology are considered by semiotic constructions expressing the values of the Christian tradition. It is proposed to replace evaluative judgements of the «miracle of fiction» and to pose and solve the question of the miracle in the sense of semiotic creativity, creating figurative didactic situations, the ideological components of the mechanism of the socio-cultural regulation.*

Key words: *miracle, myth-poetics, «showing», order, edification, sacred, sacred sanction.*

Постановка проблемы. Мифы содержат в своем пространстве различные сверхъестественные чудеса, которым придается серьезное значение, в отличие от науки с ее стремлением выразить мир через естественные законы. Для нее чудеса представляются вымыслами, принимаемыми за правду. В противовес сциентизму, понимающего истину в соответствии с данными естествознания и с принципами классической науки, А.Ф. Лосев (1991) в отношении мифа замечает: «Он не выдумка, а содержит в себе строжайшую определеннейшую структуру и есть *логически*, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще» (с. 25). При этом мыслитель решительно отказывался от сведения понимания мифа к сфере идеального бытия: «Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и

отчаянием, со всей ее реальной заинтересованностью» (с. 27). В указанном отношении *мифологема чуда проблематизирует вместе с мифом, как морфологической культурной данности, саму жизнь с многочисленными ее обстоятельствами, которые проецируются в мифе.*

Изложенное обстоятельство отсылает к осмыслению соотношенности архитектоники мифа с его жизненным окружением, обращая внимание на «реальную в нем заинтересованность», как отмечалось Лосевым. В таком случае возникает потребность в изучении отдельных мифических образов с целью уяснения характера заинтересованности их присутствия в мифологическом корпусе текстов. Такая заинтересованность, прежде всего, наблюдается со стороны традиции, а мифы с присущими им образами проецируют и транслируют ее интересы. В таком случае вопрос о сверхъестественном чуде, каким оно позиционируется в мифах, выглядит вопросом о традиции с ее ценностями и определенными жизненными устремлениями.

Изучение культуры вызывает значительный интерес к языковым способам выражения ее разнообразных модификаций, а также их конструирования. Важнейшим механизмом конструирования мифической картины мира выступает поэтика образов, включая чудо как язык назидания, осуществляемый присущие ему функции в значении «показывания», но не «доказывания», как это характерно логико-терминологическому дискурсу.

А.Ф. Лосевым (1991) подчеркивалось, что «мифология только тогда и есть мифология, если она не доказывается, если она не может и не должна быть доказываемой» (с. 30–31), поскольку вместо дискурса доказывания она основывается на самоочевидности, которая конструируется через образное «показывание». Через «показываемые» образы миф демонстрирует волю традиции, ее ценности и идеалы. Поэтому изучение предложенной темы позволяет раскрыть механизмы мифологического мышления и связанного с ним творчества, в котором прослеживаются аксиологическое, семиотическое и функциональное измерения культуры.

Анализ последних исследований и публикаций. Значительный вклад в разработку данной проблемы внесли выдающиеся ученые Е.М. Мелетинский и С.С. Аверинцев. В монографии

«Поэтика мифа» Е.М. Мелетинским (2012) глубоко проанализирована поэтика как способ конституирования мифа и характерная черта мифомышления и мифотворчества. Особенно подчеркивается ее значение не только в объяснении, но также в санкционировании космического и социального порядка. В монографии С.С. Аверинцева (1997) «Поэтика ранневизантийской литературы» автором вводится понятие «показывание», наделенное ключевым значением в интерпретации мифопоэтики. Данное понятие формирует взгляд на миф как на эстетику мысли и эстетику слова, демонстрирующих очевидность мифической картины мира, не требующую процедуры доказательств, как это характерно науке.

Значение двух упомянутых трудов необходимо оценить в серьезном методологическом аспекте, указывающего на широкую перспективу изучения мифологии в контексте осмысления мифопоэтики. В указанном отношении следует отметить монографию Д.П. Козолупенко (2009) «Мифопоэтическое мировосприятие», в которой глубоко проанализированы разнообразные типы, формы и механизмы морфологического восприятия мира. А.С. Майданов (2018) предпринял изучение чуда как языка мифа, подчеркнув его роль в сакрализации жизненного пространства людей. Рассматривая различные концепции чуда, украинская исследовательница Т. Козинцева (2010), обратила внимание на чудо в качестве метода интерпретации исторических событий. С.Н. Астаповым (2017) проанализирован эвиденциалистский подход к чудесам, который относится к эпистемологическому дискурсу христианских верований. Выявленные им трудности названной аналитики наталкивают на мысль о восполнении такого способа осмысления чудес герменевтическим и аксиологическим методами. В указанном отношении отдельный интерес представляет собой статья И.В. Рынкового (2010) «Феномен чуда», которая дает возможность отчетливо уяснить назидательный характер мифических чудес.

Наиболее близкой к теме данной статьи следует признать защищенную в России кандидатскую диссертацию М.Е. Башлыковой (2008) «Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 г.», в которой четвертая часть специально посвящена изучению чудес в указанном произведении. Автором проанали-

зировано топіка чудес, їх мотиви і обставинства. Освітлен назидательний характер окремих чудес, пробуджуючих у християн критическе самосознаніє і побуджуючих їх к раскаянію.

Опираючись на теоретическіє і методологіческіє нароботки упомянутых исследователей мифа, автором данной статьи предпринимались отдельные попытки осмыслить некоторые ситуации мифической картины чудес (Панков, 2014, 2015, 2017, 2018a, 2018b). Однако поставленная проблема требует дальнейшей исследовательской процедуры в аспектах ее расширения и углубления.

Цель исследования – осмыслить мифическую картину чуда как мифопоэтику «показывания».

Изложение основного материала. В монографии С.С. Аверинцева (1997) обозначены два диаметрально противоположных пути в изучении средневековой картины мира: путь от эстетической науки с ее категориальным аппаратом, посредством которого осмысливается картина мира, и путь от внутреннего строя данной картины мира. Первый путь он обозначил понятием «доказывание», второй – понятием «показывание». Подчеркивается, что в отличие от научного менталитета, требующего доказательств, миф тяготеет не к «доказыванию», а к «показыванию» (Аверинцев, 1997, с. 34).

Сопоставляя оба подхода, С.С. Аверинцев (1997) указывал на ущербность первого пути, которым следует сциентизированная эстетика в стремлении к реконструкции данных картины мира. Ее эстетическая реконструкция означает такую «монтажку», которая осуществляется в совершенно ином контексте – контексте эстетической науки. В результате, создается «постройка», в которой «вытравляется» органическая сращенность средневековых текстов с их жизненной почвой (Аверинцев, 1997, с. 31). Позитивной и принципиальной альтернативой сциентическому подходу к изучению средневековой эстетики Аверинцевым выдвинут путь, следующий не от структуры эстетической науки, но от внутреннего строя средневековой картины мира. Ее содержанием признается «внутренний склад ушедшей духовной жизни». Постигание жизни в ее целостности должно составить основной предмет профессиональных занятий и забот исследователя культуры. Аверинцев (1997) подчеркивал, что «особое

внимание должны привлекать как раз факторы цельности “мировоззренческого стиля”, скрепы, гарантирующие единство того мира представлений, внутри которого жил тогда человек» (с. 35). Ученый нацеливал исследователей средневековой культуры к осмыслению ее поэтического стиля «показывания» разнообразных сторон жизни людей в единстве характерной данной эпохи картины мира.

Предложенная методология выражает исследовательскую стратегию «философии жизни», выдвигающей значение жизни на роль универсального целого, в которое включены любые проявления бытия человека, общества, культуры в качестве его отдельных элементов. Значение каждого элемента жизни органически увязывается со всей жизненной системой, а его значение определяется в отношении к общему жизненному контексту.

В. Дильтей, один из фундаторов «философии жизни», писал:

Значимость, которую получают факты, становясь определением элементов значения целостностью, – это жизненное, а не просто интеллектуальное отношение, не привнесение разума или мысли в элементы того или иного события. Значимость вырастает из самой жизни. (Дильтей, 1995, с. 137)

В указанной связи предпонимание мифологической картины мира с чудесами ориентируется на «показывание» определенных сторон культурной жизни людей и культурной традиции.

Задача мифа не сводится к объяснению картины мира. Вся культура озабочена установлением и поддержанием определенного общественного порядка посредством многочисленных культурных каналов, включая мифологию. Поэтому «показывание» картины мира в мифе выглядит «показыванием» порядка соответствующего ценностно-нормативной системе определенной традиции. Демонстрация порядка тесно увязывается с его санкционированием, о чем подчеркивает известный исследователь мифологии Е.М. Мелетинский (2012, с. 152), а ультимативным в данном отношении санкционирующим фактором выступает значение нуменозного. С.С. Аверинцев (1997) определяет божественный порядок в качестве существенной категориальной идеи

в общественном сознании раннего средневековья, категориальным императивом, который проявляется не только в умозрении, но и в «воле к порядку». Подчеркивается, что идея порядка схватывалась не только мышлением, но также чувственным переживанием «так напряженно как раз потому, что порядок был для них “заданностью” – и не был “данностью” (Аверинцев, 1997, с. 15). Значения *порядка* и *жизни* органически переплетаются так, что их взаимодействие формирует представление о жизненном порядке и упорядоченной жизни, проецируемое в мифе. В указанной связи предпонимание мифологической картины мира с ее чудесами ориентируется на «показывание» определенных сторон культурной жизни в устремлении к порядку, а также силы порядка как фактора, организующего жизнь людей в культурной традиции.

Обратимся к анализу картины чудесного видения в «Житии» киево-печерского монаха Тита. В нем рассказывается о двух монахах – священнике Тите и дьяконе Евагрии, братская любовь которых переросла в глубокую ненависть по отношению друг к другу. Пришло время, когда Тит тяжело заболел, и он принялся просить у Евагрия прощение, на что получил с его стороны категорический отказ. Тут же Евагрий неожиданно упал замертво, а Тит выздоровел. Когда выздоровевшего монаха попросили объяснить происшедшее, тот ответил:

Видел ангелов, от меня отступивших и плакавших о душе моей, и бесов, ликовавших о гневе моем. Я начал упрашивать брата, чтобы простил меня. И едва его привели ко мне, я увидел грозного ангела, державшего огненное копьё, который, когда тот отказался простить меня, ударил его и низринул мертвым, а мне подал руку и исцелил меня. (Дятлов, 2009, с. 294)

В свете аверинцевской методологии следует уяснить *что* «показывает» рассматриваемый нарратив и *каким образом* в нем сконструирована картина «показа».

Смысловым ядром всей христианской культуры выступает святость как «жизнь во Христе». Данное обстоятельство следует учесть в роли ключевого контекста интерпретации фрагмента изложенного в нем чуда. Киево-печерский инок Тит, как и любой другой персонаж Патерика, фигурирует в качестве образа

христианского праведника, устремляющегося к идеалу святости. В тексте «жития» святого Тита этот контекст выражается опосредованно – через ценностные значения, транслирующие христианский идеал святости. В данном случае главное внимание сосредоточивается на евангельских ценностях смирения, милосердия и прощения грешника, вокруг которых образовалась ситуация ценностного конфликта. Здесь прослеживается острый конфликт между требованием реализации евангельской морали в повседневной жизни и отказом его выполнить со стороны адептов христианства.

У Тита в момент предсмертного состояния произошел духовный перелом в направлении примирения с Евагрием, у которого он дважды настойчиво и искренне попросил прощения. Этот перелом состоялся под воздействием внешней побудительной силы, которой оказалось видение Титом бесплотных духов. Они составили две противоположные стороны – нечестивых бесов и светлых ангелов: первые ликовали от гнева Тита в отношении брата, вторые, напротив, с плачем отступили от грешной души. Тит без труда распознал значение увиденного им чуда в качестве знака, указывающего на падение его собственной души. Следует отметить, что этот знак был явлен грешнику в критический момент его жизни перед смертью, что в православном мировоззрении означает критическую ситуацию души в ее предстоянии перед божественным судом, который наступит вскоре после земной кончины человека. Под влиянием сверхъестественного видения Тит, глубоко раскаявшийся перед Евагрием, встал на путь праведности, разорвав связь с пороком гнева и вражды.

Раскаяние Тита оказалось ценностным «вызовом», ожидающего со стороны Евагрия достойного «ответа» в соответствии с христианской этикой милосердия и прощения. Евагрий отказался принять этот «вызов», который следует рассматривать не только в виде частного личностного акта, но и «вызовом» со стороны культуры с характерной для нее ценностной шкалой. Решительный отказ Евагрия от примирения с братом уместно оценить как девиантный «вызов» этике христианской культуры. Со своей стороны, христианская культура «ответила» на «вызов» девианта специфической санкцией – образом смерти от руки ангела. Одновременно возвращение к жизни находящегося при

смерти Тита виглядат «ответной» санкцией культуры как выражение одобрения за возврат к ее ценностному порядку.

Таким образом, картина чуда в «житии» Тита представляется специфическим текстом, посредством которого христианская культура не просто демонстрирует свойственный ей аксиологический порядок, но «показывает» напряженную картину борьбы за заданный порядок. Здесь «показывается» сложная динамика аскетического подвижничества, которая содержит в себе моменты духовного падения и духовного возвышения личности.

В агиографической мифологии картина чудес служит мифопоэтическим способом «показывания» «небесной славы» в ее отношении к человеческой жизни. Картину «небесной славы» составляют: образ Бога – «Царя славы», его ангелы – посредники между Богом и людьми, чудесные действия – божественные иерофании. Миф стремится «показать» плодотворное вторжение «небесной славы» в мир людей. В приведенном выше примере плодом чудесного вторжения послужило наказание нечестивца и возвышение праведника как реализация идеала справедливости.

В рассматриваемой картине чуда важное смысловое значение приобретает изречение Бога: «Прощайте, и прощены будете» (Лк. 6, 37); «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5, 22). Оба изречения обращают внимание читателя к ценности евангельского порядка как божественного установления. В обоих изречениях содержится: 1) ценность прощения в строгой оппозиции по отношению к гневу на «брата во Христе», 2) санкция божественного суда над уклонившимся от евангельского порядка, 3) напоминание о значении для каждого христианина придерживаться установленного Богом порядка. На этом фоне картина чрезвычайного вмешательства «небесной славы» в жизнь монахов Тита и Евагрия подчеркивает идею реализации обещанного суда над грешником.

Изречение Бога проявляется в форме назидания. Однако критическая аналитика за образом назидającego монахов Бога указывает на христианскую традицию как субъекта назидания, осуществляющего данную функцию через своего адепта – автора. Социокультурным каналом рассматриваемого назидания служит

миф, а его механизмом – поэтический язык, в отношении которого чудо расценивается специфической формой проявления такого языка.

Автор киево-печерского нарратива настойчиво побуждает читателя усвоить урок увиденного, из которого заключает:

Также и ты, брат, берегись подобного, и не оставляй бесу гнева места: кто ему повинуется, того он порабощает. Но спеши положить поклон враждующему с тобою, чтобы тебя не отдали грозному ангелу, и чтобы тебя Господь наш Иисус Христос сохранил от всякого гнева. (Дятлов, 2009, с. 294)

В чудесном назидании исследуемого фрагмента мифа отчетливо обнаруживается назидательный акт обличения грешника, которое выглядит грозной санкцией осуждения нечестивца.

Выводы. В предпринятом исследовании мифическая картина чуда соотносится не с объективными данными о мире, которые устанавливаются естествознанием, а с ценностными установками культуры, выраженными в данном мифе. Такие установки образуют вокруг образа чуда определенное смысловое поле и придают ему культурно значимый смысл. На уяснение смыслового значения чуда (но не на выяснение вопроса о его адекватности естественно-научной картине мира) нацеливается религиозная интерпретация. Вместо оценочного суждения «чудо как вымысел», пресекающего возможность продуктивной интерпретации текста, взята на вооружение постановка вопроса про «чудо как значение» в агиографическом тексте. В результате, выяснилось, что сверхъестественное чудо выполняет значение специфического кода, посредством которого в мифе выражается установленный традицией порядок и стремление традиции побудить своих адептов придерживаться его условий. Таким способом обеспечивается бытие традиции в синхронии и диахронии.

Литература

- Аверинцев, С. (1997). *Поэтика ранневизантийской литературы*. Москва: CODA.
- Астапов, С.Н. (2017). Достоверность чуда: трудности эвиденциалистского подхода. *Вопросы философии*, 9, 121–130.

- Башлыкава, М.Е.** (2008). *Топика житий в Києво-Печерском патерике редакцији 1661 г.* (Автореф. дис. канд. філолог. наук). Москва.
- Дильтей, В.** (1995). Категория жизни. *Вопросы философии*, 10, 129–143.
- Дятлов, В.** (Ред.). (2009). *Патерик Киево-Печерский. Том 1: Подвижники Киево-Печерской лавры XI–XV вв. и древние святые, причисленные к ее чудотворцам.* Киев: Типография Киево-Печерской лавры.
- Козинцева, Т.** (2010). Понятия чуда в религиозной и философской традициях. *Релігія та соціум*, 1 (3), 30–34.
- Козолупенко, Д.П.** (2009). *Мифопоэтическое мировосприятие.* Москва: Канон+ РООИ Реабилитация.
- Лосев, А.Ф.** (1991). Диалектика мифа. В Ю.А. Ростовцев (Сост.), *Философия. Мифология. Культура* (с. 21–186). Москва: Политиздат.
- Майданов, А.С.** (2018). Миф как средство сакрализации жизненного мира. *Вопросы философии*, 9, 207–213.
- Мелетинский, Е.М.** (2012). *Поэтика мифа.* Москва: Академический Проект; Мир.
- Панков, Г.** (2014). Мифическая картина видения как пространство самосознания личности (на примере серафического видения Франциска Ассизского). *Гуманізм. Людина. Особистість*: матеріали 26-х Міжнародних людинознавчих філософських читань (Дрогобич, 2014 р.). (с. 76–83). Дрогобич: ДДПУ ім. Івана Франка.
- Панков, Г.** (2017). Ситуація ціннісного конфлікту в житті Києво-Печерського ченця Тита у контексті культуролого-релігієзнавчого осмислення. *Історія релігій в Україні*: науковий щорічник, 27, 466–475. Львів: Логос.
- Панков, Г.** (2018а). Чудесные видения в аскетическом дискурсе Киево-Печерского патерика. *Історія релігій в Україні*: науковий щорічник, 2, 334–350. Львів: Логос.
- Панков, Г.Д.** (2015). Поетика як культуротворчий механізм в агіографії Петра Афонського. *Культура України*: збірник наукових праць Харківської державної академії, 49, 21–30. Харків: ХДАК.
- Панков, Г.Д.** (2018b). Мифический образ чуда в контексте регулирующего механизма культуры. *Соціалізація особистості у сучасних соціокультурних контекстах*: IX міжнародна науково-практична конф., Харків, 5 жовтня 2018 р. (с. 128–130). Харків: ХНПУ.
- Рынской, И.В.** (2010). Феномен чуда. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. Серия Философия*, 5 (37), 46–52.

References

- Averintcev, S.** (1997). *Poetika rannevizantiiskoi literatury [Poetics of early Byzantine literature]*. Moscow: CODA [in Russian].
- Astapov, S.N.** (2017). Dostovernost chuda: trudnosti evidencialistskogo podkhoda [Authenticity of the miracle: difficulties of evidentialistical approach]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 9, 121–130 [in Russian].
- Bashlykava, M.E.** (2008). *Topika zhitii v Kievo-Pecherskom paterike redaktcii 1661 g. [The topic of the lives in Kiev-Pechersk Pateric of the edition 1661]*. (Extended abstract of candidate's thesis). Moscow [in Russian].
- Diltei, V.** (1995). Kategorii zhizni [The Category of life]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 10, 129–143 [in Russian].
- Diatlov, B.** (Ed.). (2009). *Paterik Kievo-Pecherskii. Tom 1: Podvizhniki Kievo-Pecherskoi lavry XI–XV vv. i drevnie sviatye, prichislennye k ee chudotvortcam [Pateric of Kiev-Pechersk. Vol. 1: The devotees of the Kiev-Pechersk Lavra XI–XV centuries and the ancient saints, counted among its miracle workers]*. Kiev: Tipografiia Kievo-Pecherskoi lavry [in Russian].
- Kozintceva, T.** (2010). Poniatie chuda v religioznoi i filosofskoi traditciiakh [The concept of the miracle in religious and philosophical traditions]. *Relihiia ta sotsium – Religion and Society*, 1 (3), 30–34 [in Russian].
- Kozolupenko, D.P.** (2009). *Mifopoeticheskoe mirovospriiatie [The Myth-poetic world view]*. Moscow: «Kanon⁺» ROOI «Reabilitatciia [in Russian].
- Losev, A.F.** (1991). Dialektika mifa [The dialectic of the myth]. In Iu.A. Ros-tovtcev (Comp.), *Filosofiiia. Mifologiiia. Kultura* (pp. 21–186). Moscow: Politizdat [in Russian].
- Maidanov, A.S.** (2018). Mif kak sredstvo sakralizatsii zhiznennogo mira [The myth as a means of sacralization]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 9, 207–213 [in Russian].
- Meletinskii, E.M.** (2012). *Poetika mifa [The Poetics of myth]*. Moscow: Akademicheskii Proekt; Mir [in Russian].
- Pankov, G.** (2014). Mificheskaia kartina videniia kak prostranstvo samosoznaniia lichnosti (na primere seraficheskogo videniia Franciska Assizskogo [Mythical picture of the vision as a space of self-consciousness of the person (by the example of the seraphic vision of Francis of Assisi)]. *Humanizm. Liudyna. Osobystist: materialy 26-kh Mizhnarodnykh liudynoznavchykh filosofskykh chytan (Drohobych, 2014 r.) – Humanism. Man. Personality: Proceedings of the 26 International*

philosophical readings of human knowledge (Drohobych, 2014). (pp. 76–83). Drohobych: DDPU imeni Ivana Franka [in Russian].

- Pankov, H.** (2017). Sytuatsiia tsinnisnogo konfliktu v zhytii Kyievo-Pecherskoho chentsia Tyta u konteksti kulturoloho-relihieznavchoho osmyslennia [The situation of value conflict in the life of Kiev-Pechersk monk Titus in the context of cultural-religious understanding]. *Istoriia religii v Ukraini: naukovyi shchorichnyk – History of religions in Ukraine*: Scientific yearbook, 27, 466–475. Lviv: Lohos [in Ukrainian].
- Pankov, G.** (2018a). Chudesnye videniia v asketicheskom diskurse Kievo-Pecherskogo paterika [Wonderful visions in the ascetic discourse of Kiev-Pechersk Patericus]. *Istoriia religii v Ukraini: naukovyi shchorichnyk – History of religions in Ukraine*: Scientific yearbook, 2, 334–350. Lviv: Lohos [in Russian].
- Pankov, H.D.** (2015). Poetyka yak kulturotvorchyi mekhanizm v ahiohrafii Petra Afonskoho [Poetics as a cultural mechanism in the hagiography of Peter of Athos]. *Kultura Ukrainy: zbirnyk naukovykh prats Kharkivskoi derzhavnoi akademii – Culture of Ukraine: a collection of scientific works of the Kharkiv State Academy*, 49, 21–30. Kharkiv: KhDAK [in Ukrainian].
- Pankov, G.D.** (2018b). Mificheskii obraz chuda v kontekste reguliruiushchego mekhanizma kultury [The mythical image of a miracle in the context of the regulating mechanism of culture]. *Sotsializatsiia osobystosti u suchasnykh sotsiokulturnykh kontekstakh: IX mizhnarodna naukovo-praktychna konferentsiia, Kharkiv, 5 zhovtnia 2018 r. – Socialization of Personality in the modern socio-cultural contexts: IX International Scientific and Practical Conference, Kharkiv, October 5, 2018*. (pp. 128–130). Kharkiv: KHNPU [in Russian].
- Rynkovi, I.V.** (2010). Fenomen chuda [The phenomenon of the miracle]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstva. Seriia Filosofii – Herald of Moscow State University of Culture and Art*, 5 (37), 46–52 [in Russian].

Стаття надійшла 30 квітня 2019 року.